ВАСИЛИСА

и библиотека забытых чувств

Александра Польщикова

Александра Польщикова

Василиса и библиотека забытых чувств

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72120001
SelfPub; 2025

Аннотация

Василиса попадает в странную библиотеку, где нельзя вслух говорить о чувствах. Здесь хранятся книги с запертыми эмоциями – страхом, стыдом, злостью, завистью. Каждое чувство забыто, потому что его боялись. Вместе с Пухлым и философской морской свинкой Дрэганфрут, Василиса ищет выход – но находит нечто большее: книгу, в которой запечатано забытое чувство… её собственное. Чтобы выбраться, героям предстоит пройти через комнаты, где всё запрещено: любить, злиться, отказывать, быть собой. И только голос, сказанный по-настоящему, сможет разбудить то, что спрятано глубоко внутри.

Это книга о том, что «плохие» чувства – тоже часть нас. О том, как важно не молчать и не терять себя.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1	8
ГЛАВА 2	12
ГЛАВА 3	16
ГЛАВА 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Александра Польщикова
Василиса и библиотека забытых чувств

ВВЕДЕНИЕ

Дверь, которой не было

Иногда бывает так: идёшь по знакомой улице, поворачиваешь в привычный переулок – и вдруг видишь дверь. Странную. Её точно не было вчера. Она не новая, наоборот – с облупленной краской, ржавой ручкой, будто ей сто лет. А главное – вокруг никто не замечает её, как будто дверь существует только для тебя.

Вот так всё и началось.

– Пухлый, а ты тоже это видишь? – прошептала Василиса, отступив на шаг назад.

– Вижу. И не хочу, – буркнул Пухлый, поправляя свою зелёную футболку. – Вообще, я всегда считал, что если где-то появляется загадочная дверь, за ней обязательно прячется что-то страшное. Или, что ещё хуже – **нечто психологи-**

ческое.

– А мне интересно, – Василиса уже подступала ближе. – Она будто зовёт.

– Зовут, между прочим, и в кабинет к стоматологу, – вмешалась морская свинка Дрэганфрут, высунувшись из кармана Василисы. – И знаешь что? Там внутри тоже боль, страх и запах эвкалипта.

Но дверь не пахла эвкалиптом. Она пахла… как комната, в которой давно никто не плакал. Немного пылью. Немного ожиданием. Немного – забытым.

На двери не было ни замочной скважины, ни звонка. Только потёртая табличка, на которой было выцарапано неровным детским почерком: **«Туда, где чувства больше не шепчут»**

– Звучит подозрительно, – сказал Пухлый, принюхиваясь. – По-моему, здесь пахнет эмоциональной нестабильностью.

– Или тайной, – добавила Василиса и, прежде чем кто-либо успел остановить её, потянула за ручку.

Дверь распахнулась без скрипа. За ней был… коридор. Очень длинный, тёмный, и, кажется, без конца. По стенам тянулись полки, забитые книгами. Некоторые книги дышали. Некоторые стонали. Некоторые были закованы в цепи.

– Это что… библиотека? – Дрэганфрут распушила усы. – Ох, у меня нехорошее предчувствие. Эта библиотека не для чтения. Она для… удержания.

– Задержания, скорее, – заметил Пухлый. – Эмоций. Тут, кажется, чувствам дали пожизненное заключение.

Они шагнули внутрь. Пол заскрипел. Воздух стал плотнее, будто из книжных корешков выдыхалась тяжесть. Над головой мелькнула табличка: **"Библиотека забытых чувств"**

– Только бы это не была метафора, – вздохнула Дрэганфрут. – Хотя кого я обманываю? Конечно, это метафора. И, боюсь, не последняя.

Они двинулись вперёд. Справа – стеллаж с книгами под грифом «СТЫД». Слева – раздел «ТО, ЧТО НЕ СТОИТ ГОВОРИТЬ». Дальше – «НЕЛОВКИЕ ЧУВСТВА». Затем «ВСЁ, ЧТО ПРИНЯТО ЗА СЛАБОСТЬ».

Василиса коснулась одного из корешков – он был тёплым. И дрожал.

– Мне страшно, – прошептала она.

– Это значит, ты здесь не зря, – ответил Пухлый неожиданно серьёзно. – Страх – хороший знак. Значит, чувство ещё живо.

В этот момент в глубине библиотеки раздался лёгкий шелест. Как будто кто-то… перелистывает страницы. Но медленно. Точно читает про тебя. Дверь за их спинами исчезла.

– Ну всё, – сказал Пухлый, садясь на первую попавшуюся книжную лестницу. – Начинается. Психо-приключенческий квест. Давно такого не было. Запасайтесь храбростью и иронией.

– И философией, – добавила Дрэганфрут. – Я беру на себя

последнюю.

Василиса глубоко вдохнула. Она не знала, зачем сюда попала. Но чувствовала: именно здесь – ответы, которых не найти в обычных книгах. Или в обычных чувствах. Или в обычной девочке. И библиотека будто услышала её мысль – и зажгла слабый свет.

Начиналась первая глава.

ГЛАВА 1

Шепчущие коридоры

Первое, что почувствовала Василиса, ступив вглубь библиотеки, – это тишина. Не обычная – не та, что после выключенного телевизора или в снегопад. Эта тишина была **наблюдающей.** Она стояла за спиной, висела под потолком, скользила под полом. Будто кто-то дышал в каждом пыльном углу, но старался не попасться.

– Я не хочу паниковать, – сказал Пухлый, прижимая руки к бокам, – но, кажется, одна из полок только что мигнула мне.

– Тебе показалось, – отозвалась Дрэганфрут. – Или, наоборот, наконец перестало казаться. Это библиотека – она **живая.** Уверена, тут даже скрипучие половицы имеют мнение.

Они шли по узкому коридору между книжными стеллажами, высокими, как деревья. Иногда между книг проскакивал ветер, но в библиотеке не было окон. Только мягкий, серый свет, льющийся откуда-то сверху – как будто потолок состоял из облаков.

– Заметили? – шепнула Василиса. – Здесь всё шепчет.

Она была права.

Книги не лежали молча. Они перешёптывались, как старушки на скамейке: **«Она пришла…», «Девочка, девочка…», «Будет ли читать?..», «Признает ли?..»**

– Интересно, они про меня? – спросила Василиса, глядя на старую кожаную книгу, которая слегка вздрогнула при её взгляде.

– Или про нас, – хмыкнул Пухлый. – Хотя я надеюсь, они просто обсуждают погоду. Ну, или качество переплёта.

Они завернули за угол, и пол под ногами изменился – стал мягким, почти как мох. Вдоль стен появились двери. Каждая – с табличкой: **"Страх"**, **"Стыд"**, **"Скука"**, **"Зависть"**, **"Невыносимая доброта"**.

– А вот это уже пугающе точно, – заметила Дрэганфрут. – Я думала, такую эмоцию никто не записывает. А они – записали.

Перед дверью с надписью **«СТРАХ»** стояла лестница. На ней сидел… скелет. Настоящий. В очках и с открытой книгой в руках.

– Ну, наконец, – сказал Пухлый. – Хоть один нормальный персонаж. Тихий, начитанный, явно не спешит.

– Он мёртв, Пухлый, – прошептала Василиса.

– Вот именно, – согласился тот. – Значит, не будет спорить.

Когда они прошли мимо, скелет, не двигаясь, прошептал:

– Только тишина откроет вам путь…

– Это что, библиотечный шёпот? – удивилась Дрэганфрут. – Или завуалированная угроза?

Василиса остановилась. Что-то странное происходило: чем дольше они находились в библиотеке, тем сложнее становилось говорить. Будто воздух сам по себе глушил голос.

– Мне тяжело дышать, – призналась она. – И всё кажется… слишком важным. Даже просто сказать "привет" – как будто не имеешь права.

Пухлый посмотрел на неё серьёзно.

– Может, здесь нельзя говорить то, чего ты сама не признаёшь? – сказал он. – Типа если соврала себе – то и слова исчезают.

– Или если не назвала то, что чувствуешь, – добавила Дрэганфрут. – Библиотека не любит молчание. Она его наказывает.

Тут одна из полок с громким щелчком распахнулась, и из неё вылетела книга. Она полетела прямо к Василисе и… прилипла к её груди.

– Ах ты ж! – вскрикнула девочка. – Что это?!

На обложке книги не было названия. Только отпечаток руки – маленькой, детской, испачканной чернилами.

Книга вдруг нагрелась.

– Она узнала тебя, – тихо сказала Дрэганфрут. – Эта книга – про тебя. Но не та, что ты читаешь. А та, которую ты прячешь.

Василиса попыталась снять книгу – но та прижалась креп-

че. Будто сердце. Или чувство.

– Пухлый, сними её! – закричала она.

Пухлый подбежал, попытался отцепить – не вышло. Книга только затрепетала, будто… дышала.

– Она не отпустит, пока ты не узнаешь, что в ней, – прошептал он.

И вдруг из глубины библиотеки раздался звонкий шёпот. Он прошёл сквозь полки, будто кто-то звал:

– Ты знаешь, что это было. Ты просто не хочешь знать…

– Ну всё, – тихо сказал Пухлый. – Официально заявляю: я боюсь. Всё. Дальше – без меня. Я пошёл к Скелету. Мы оба любим тишину.

– Нет, – сказала Василиса, сжимая пальцы на обложке книги. – Мы идём дальше. Я хочу узнать.

И библиотека, как будто в ответ, дрогнула. Где-то щёлкнули невидимые замки. Начался их путь. Туда, где чувства – не шепчут. А кричат.

ГЛАВА 2

Книга страха

Книга на груди Василисы становилась всё горячее. Казалось, она не просто греет кожу – она расплавляет внутри какое-то закрытое, закопанное чувство. Василиса сглотнула. Воздух стал густым, как в комнате перед бурей.

– Кажется, она готова открыться, – прошептала Дрэганфрут. – Но, может быть… не будем?

– Поздно, – хрипло сказал Пухлый, пряча руки в карман. – Всё, что лежало в глубине, уже проснулось. Дело за малым: не сойти с ума.

Василиса села на пол, медленно положила книгу перед собой. Её обложка была словно замшевая, немного пульсировала. На переплёте проявились буквы: **«Страх»**

Книга дрожала, словно внутри кто-то задыхался. Василиса коснулась её корешка – и та сама открылась. Первый разворот был пуст. Второй – тоже. На третьем появилась фраза, будто написанная дыханием на стекле: **«Назови меня»**

– Ну уж нет, – пискнула Дрэганфрут. – Слишком много ужаса в двух словах.

И в этот момент погас свет.

Библиотека нырнула в темноту так быстро, что сердце Василисы ухнуло в живот. Книги на полках замолчали. Только один звук остался – хриплый вдох. Где-то совсем рядом.

– Кто здесь?.. – пробормотала Василиса, вставая. Пухлого рядом не было.

– Не поворачивайся, – прошептал кто-то из темноты. – Я – то, чего ты боишься.

Перед ней медленно начал проявляться силуэт. Высокий, как дверь, весь в дыму, с длинными руками, которые, казалось, могли обхватить целую комнату. Его лицо – точнее, отсутствие лица – было покрыто тенями. Только глаза светились белёсым светом, как у кошки в темноте.

– Кто ты?! – крикнула Василиса.

– Я твой страх, – прошептало существо. – Ты спрятала меня, но я всё помню. И теперь ты должна назвать меня вслух. Иначе я заберу то, что тебе дорого.

– Это угроза? – раздался голос Пухлого сзади. – Просто уточняю. Я обычно не в списке **"дорогих",** но если что – я против.

Существо медленно повернуло голову в его сторону.

– Он – твой смех, – сказала Тень. – А я – то, что смеяться запрещает. Твоя тревога, твой ужас быть слабой. Назови меня – или я поглощу его.

– Василиса! – завопила Дрэганфрут. – Это какая-то метафора с зубами! Делай что-нибудь!

Василиса стояла, дрожа. Губы не слушались. Сказать это

вслух? Сказать, что она боится?

– Я… – начала она. – Я боюсь…

Существо сделало шаг ближе. С ним шёл холод, липкий и цепкий, как пыльная паутина.

– Я боюсь… быть глупой. И когда на меня смотрят, как будто я не понимаю. И когда от меня ждут больше, чем я могу.

Пауза. Существо замерло.

– Я боюсь, что мама разочаруется. Что все узнают, какая я не такая, как притворяюсь.

Существо сделало шаг назад.

– Я боюсь темноты. Когда одна. И когда не понимаю, что со мной. Боюсь плакать на людях. Боюсь сказать «не хочу». Боюсь сказать «мне больно». Всё боюсь!

С этими словами книга перед ней вспыхнула светом – слепящим, но тёплым. Существо издало долгий, протяжный звук – смесь вздоха, крика и хруста стекла. Оно стало прозрачным. А затем – растворилось в воздухе, как пыль после бури.

Свет в библиотеке вернулся.

– Ну, слава страницам, – Пухлый сел на пол. – Я уже почти попрощался с любимыми пирожками. И со своими прекрасными щеками. Кстати, ты отлично держалась.

– Ты правда боялась потерять нас? – тихо спросила Дрэганфрут.

– Очень, – ответила Василиса, и вдруг ощутила: будто кусочек внутри стал легче. Как будто страх всё ещё есть – но теперь он знаемый. Названный.

– Ты знаешь, что это значит? – задумчиво сказала Дрэганфрут. **– Когда чувство названо – оно уже не хозяин. Оно становится пассажиром.**

– Условным пассажиром, – уточнил Пухлый. – Которому желательно не давать права руля.

Василиса посмотрела на книгу. Теперь на её обложке была её подпись. Маленькими, неуверенными буквами. А рядом – слово: **«Признан»**

На полу рядом появилась новая дорожка – выложенная плитками. Каждая плита была подписана: **«Следующее чувство».**

– Куда теперь? – спросила Дрэганфрут.

– Вперёд, – ответила Василиса.

И библиотека вновь задышала.

ГЛАВА 3

Завистливый лабиринт

Дорожка из плит уводила их всё глубже. Библиотека казалась бесконечной – она жила, дышала, менялась. То стены сужались, то потолки уходили вверх, будто в небо, которого не было. И вдруг они оказались перед новым залом.

Над входом висела табличка: **«Зал Зависти. Не смотри слишком долго»**

– Отлично, – буркнул Пухлый. – Всё, чего я хотел. Зал, где завидовать – это архитектурная особенность.

– Почему нельзя смотреть долго? – спросила Василиса.

– Потому что зависть входит глазами, – философски заметила Дрэганфрут. **– А выходит – через то, чего тебе вдруг резко не хватает.**

Дверь распахнулась сама. За ней был лабиринт. Стены – из стекла, зеркала, мрамора, и… сияющих чужих жизней.

В каждой панели мелькала картинка: девочка на сцене с букетом, кто-то в идеальной комнате, кто-то на дне рождения с друзьями, кто-то – с родителями, смеющимися рядом. Всё красивое. Всё «правильное». Всё – не твоё.

– Это как Инстаграм, но в худшем из миров, – пробормо-

тал Пухлый, выглядывая из-за плеча Василисы. – Смотришь – и сразу ощущаешь себя картошкой.

Они вошли. Свет стал голубовато-зелёным, странно скользким. Пол был гладким, как лёд. Стены отражали не их лица – а версии, какими они могли бы быть.

– Это… я? – прошептала Василиса, глядя в одно из зеркал.

В отражении – она. Но выше. Волосы уложены. Улыбка уверенная. В руках – грамота. А рядом – двое родителей, гордящихся ею.

– Уф, – выдохнула Дрэганфрут. – Нам попалась «идеальная жизнь». Грядёт эпизод самообесценивания.

Внезапно одна из зеркальных стен дрогнула и… открылась. Из неё вышла девочка. Та самая – отражённая. Только теперь она была настоящей.

– Привет, – сказала она. – Я – ты. Только лучше.

– Ты кто?! – испугалась Василиса.

– Я такая, какой ты хотела быть. Та, которой все завидуют. Умная. Красивая. Успешная. Любимая.

– Это ловушка, – прошептала Дрэганфрут. – Настоящие люди так не говорят. Так говорят фантазии, от которых потом болит.

Пока Василиса пыталась понять, кто перед ней, рядом с ней… появился второй Пухлый.

Он был выше, стройнее, в чёрных очках и с серьёзной походкой. Он не шутил. Зато уверенно вёл Василису за руку:

– Пошли, я покажу тебе, как жить без этих… бесполезных чувств.

– Это что, я? – ошарашенно спросил настоящий Пухлый. – Я так выгляжу в чужих желаниях? Где пузико? Где сарказм? Где шарм? Я похож на инструктора по личностному росту!

«Идеальный Пухлый» повёл Василису вглубь лабиринта, и она вдруг почувствовала – как легко. Как приятно быть «лучше». Как тепло, когда тебя сразу одобряют. Только вот… тяжело дышать. Слишком идеально.

– Василиса, ты не замечаешь, что тут слишком гладко? – донёсся голос настоящего Пухлого издалека. **– Зависть – это не про других. Это про то, что тебе внутри болит. Снаружи – только витрина!**

Её пальцы дрогнули. "Идеальная Василиса" обернулась:

– Не слушай его. Он тянет тебя назад. Ты можешь быть вот такой.

– А если я… не хочу быть такой? – спросила Василиса.

Тогда зеркало над ними треснуло. Первый раз. Затем – ещё.

– Нет-нет-нет! – закричала её "лучшая версия". – Ты должна хотеть. Ты же всегда хотела. Вон, как ты смотрела на тех, кто был "лучшими".

– Я… да, я завидовала, – сказала Василиса вслух. – Я хотела, чтобы у меня было, как у них. Но… не так. Не если это значит терять себя.

С этими словами стекло вокруг них начало осыпаться. "Идеальная Василиса" замерла – и рассыпалась в пыль, как кукла из слов.

"Альтернативный Пухлый" в последний раз поправил свои очки и с шипением исчез.

– Ну наконец-то, – вышел из-за угла настоящий Пухлый. **– Если ещё раз появится версия меня без животика, я устрою бунт.**

– Ты… ты был прав, – Василиса кивнула. – Зависть не про них. Про меня. Про то, что я себе не даю.

– И это, кстати, глупо, – мягко сказал Пухлый. – Ты вообще-то очень даже ничего. Без всяких грамот и идеальных причёсок.

– Особенно с нами, – вставила Дрэганфрут. **– Ты бы видела, как ты отражаешься в моих глазах. Там вообще сплошная звезда.**

Лабиринт распался. Стекло исчезло. Остался только коридор вперёд и новая книга – маленькая, зелёная, на которой было написано: **«Ты не хуже. Просто ты – это ты»**

Василиса подняла её.

– Кто следующий? – тихо спросила она.

И библиотека ответила – лёгким поворотом воздуха. Впереди ждала **Комната скуки**.

ГЛАВА 4

Комната скуки, в которой не выбраться

Коридор, по которому они шли, вдруг резко оборвался. Точнее, не так – он не кончился. Он просто перестал быть интересным. Пол стал серым, как размокшая бумага. Стены – блекло-бежевыми, потолок – низким и ровным, будто кто-то намеренно «пригладил» всё живое.

– Погодите, – сказал Пухлый, зевая так громко, что где-то на полке чихнула старая книга. – Я… честно… не понял. Это уже новая комната? Или мы попали в школьный класс после математики?

– Это Комната Скуки, – хрипло произнесла табличка над входом, хотя на ней не было ни букв, ни звука. Просто ощущение.

– Чудно, – фыркнула Дрэганфрут. **– Ещё чуть-чуть – и меня официально размажет в пюре из безразличия.**

Они вошли. И тут началось самое странное.

В комнате всё было… удобно. Кресла – мягкие. Стены – без картин, чтобы не отвлекали. Воздух – идеальной температуры. На столе стояли пирожки. Точно такие, какие любит Пухлый.

– Это ловушка, – пробормотала Василиса. – Слишком уютно.

– А что, если это не ловушка? – возразил Пухлый, уже устроившись в кресле. – Может, нам просто… повезло? Наконец-то. Спокойствие, пирожки, скучное ничто – мечта, а не ловушка.

Он укусил один пирожок.

– БЕЗ ВКУСА?! – вскрикнул он через пару секунд. – Это… это обманка! Это пирожок из пластилина!

Дрэганфрут осторожно ткнула лапкой подушку.

– И кресло, похоже, из снов, где тебе удобно, но ты просыпаешься – и всё исчезает.

Свет в комнате не мерцал. Он был абсолютно ровным. Ни тени, ни бликов. Время не шло – оно стояло. Секунды казались одинаковыми, как бусины на нитке.

– Здесь ничего не происходит, – шепнула Василиса. – И от этого… страшно.

– Скука – не когда «ничего не делают», – сказала Дрэганфрут. **– А когда не чувствуют. Когда настолько одинаково, что душа засыпает.**

Пухлый уже ходил по комнате кругами. Он менялся. Обычно – весёлый, ироничный, немного бурчащий. Сейчас – молчаливый, серый.

– Я не знаю, сколько мы здесь, – произнёс он. – Десять минут? Час? День? А имеет ли это вообще значение?

– Нет! – Василиса вскочила. – Нам нужно выйти! Мы не

можем тут остаться!

– А зачем выходить? – спросил голос. Не чей-то. Просто голос – ровный, вежливый, сонный.

Из стены медленно вышло существо. Оно было как комбинезон из пустоты: ни лица, ни рук – только мягкий силуэт. Оно подошло к Василисе и предложило чашку.

– Чай. Без вкуса. Без цвета. Без тревог.

– Это кто? – спросила она, отступая.

– Я – Скука, – прошептало оно. – Ты меня всегда недооценивала. Я тише страха. Спокойнее стыда. Но я забираю всех. Без боли. Без крика. Просто… оставайся. Здесь безопасно. Здесь ничего не случится. Никогда.

– А мне нужно, чтобы что-то случалось! – выкрикнула Василиса. **– Чтобы сердце билось, чтобы были смыслы, выборы, даже ошибки!**

Существо отступило.

– Но это же утомительно, – сказало оно. – Усталость – причина, по которой я побеждаю чаще всего.

– Нет, – покачала головой Василиса. – Ты побеждаешь, когда я больше не верю, что могу что-то изменить. Но я могу. Я просто иногда забываю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.